

86.372
Б20
269239

Блаженная Ксения
Петербургская

269239

олее двух веков назад жители Петербурга часто наблюдали такую картину. По улице бредет исхудавшая, бедно одетая женщина, а за нею следом вдоль края тротуара тянется вереница повозок. Здесь и пролетки, и дрожки, и покрытые лаком щегольские экипажи. Хозяева их, стараясь перекрычать друг друга, приглашают женщину:

— Андрей Федорович, садитесь!

А женщина, несмотря на пронизывающий ветер, одетая только в заплатанную красную кофту и зеленую юбку, шлепает по лужам в дырявых башмаках, что-то шепчет посиневшими от холода губами, не обращая на извозчиков ни малейшего внимания.

Диковинная процессия поравнялась с богатым магазином. Вмиг распахнулась сверкающая,

стеклянная дверь, на улицу вылетел франтоватый приказчик. Согнувшись в поклоне, как перед знатной дамой, приглашающе вытянув руки, он указывает на дверь:

— Андрей Федорович, умоляю, загляните хоть на минутку! Ну что Вам стоит?!

Очевидно, что женщине не по карману ни поездка в кабриолете, ни посещение шикарного магазина. Отчего же все так настойчиво ухаживают за ней? И почему называют Андреем Федоровичем, хотя любой скажет, что это женщина?

Эта странная для нас картина в те годы была обычной. Ведь женщина была блаженной Ксенией, о которой знал весь тогдашний Петербург.

История ее жизни была проста и печальна, хотя вначале все у нее складывалось как нельзя лучше, безоблачно и счастливо. Она любила молодого офицера, Андрея Федоровича Петрова, вышла

за него замуж. Муж — деятельный, способный офицер — в скором времени выслужил чин полковника. Они мирно жили в доме на Петербургской стороне, купленном Андреем Федоровичем на приданое своей жены. О них можно было сказать, что они живут душа в душу. Но в жизни человеческой соседом радости нередко оказывается горе. Не все дни безоблачны даже летом. Разразилась гроза и над головой юной Ксении. Муж ее заболел и быстро сгорел от неизлечимой болезни. Петербург построен в нездоровом месте, на болотах, поэтому люди там часто умирали.

Невозможно описать страдания несчастной женщины. Любовь юной Ксении была настолько сильна, что она ни за что не хотела поверить в смерть любимого. Как пережить, что еще вчера рядом с нею был нежный, любящий муж, а сегодня она оказалась одна-одинешенька в огромном, холодном городе? Никого она не любила так сильно, как мужа. В тоске, рвавшей ее сердце, Ксения с молитвой обратилась к Тому, Кто был Сам любовь — к Богу. Тяжка утрата, но нужно жить, жить для Бога и для людей.

На похоронах мужа Ксения Григорьевна уже не казалась такой убитой, как в первые дни. Ее знакомые увидели, что с нею что-то произошло. Твердо, решитель-

но ступала она за гробом, движения ее были резки и порывисты, на лбу и у рта залегли глубокие складки. Однако пришедших проститься с полковником Петровым всего сильнее поражала одежда вдовы: она шла позади гроба в кафтане, штанах и картузе своего мужа.

— Андрей Федорович вовсе не умер, — сказала она на кладбище, — умерла его жена, Ксения, а Андрей Федорович перед вами, и жить он будет еще долго.

Сослуживцы, знакомые Андрея Федоровича, обступившие его могилу, вздыхали, грустно поглядывая на вдову. Все знали, как супруги любили друг друга и подумали, что с горя Ксения повредила голову.

Прасковья Ивановна, управлявшая их домом, решила утешить вернувшуюся с похорон молодую вдову:

— Как же ты теперь жить-то будешь, матушка? — участливо спросила она. И неожиданно улыхала в ответ:

— Теперь мне, Андрею Федоровичу, ничего не надо. Ксеньюшку я свою схоронил. Дом я тебе отдам, пускай в нем бедные даром живут, а деньги, какие есть, снесу в церковь на помин души рабы Божией Ксении.

Пошла Прасковья Ивановна в свою комнатку и там долго и горько плакала.

Однако на другой день Ксения Григорьевна действительно передала дом Прасковье Ивановне, раздарила свое имущество и снесла в церковь деньги. Как вдове полковника, ей полагалась пенсия, она ее не взяла.

Родственникам мужа была нестерпима мысль, что они теряют добротный каменный дом, и они обратились к врачам, тоже полагая, что Ксения не в своем уме. Врачи побеседовали с молодой женщиной и вынесли решение, что она вполне нормальна, никаких признаков сумасшествия у нее нет.

А Ксения после бессонных жарких молитв приняла на себя особый подвиг христианского подвижничества — подвиг юродства Христа ради.

Следуя словам Господа, в которых Он призывает оставить все и следовать за Ним, юродивый не

заботится ни о чем: ни об одежде, ни о пище, ни о крове над головой. Важнее всего исполнить заповеди Христовы о любви к ближнему. Ни в одной стране, ни в одной Церкви не было столько юродивых, как на Руси, как в Русской Православной Церкви. Но к тому времени, когда подвизалась блаженная Ксения, подвиг этот был забыт, почти изгладился из народной памяти. И немудрено, что люди привычно думали, будто бы Ксения сошла с ума. В самом деле, придет ли на ум нормальному человеку отдать дом, деньги и скитаться неприкаянной нищенкой по городу?

«Все хотят быть со Христом прославленными и превознесенными. Но мало кто хочет нести со Христом крест, поругание, унижение, посмеяние и терпеть скорбь», — писал современник Ксении святитель Тихон Задонский.

Зимой и летом, в стужу и в зной бродила блаженная Ксения по улицам и переулкам, подвергаясь нападкам и насмешкам прохожих.

Так за годом шел год, а люди стали примечать, что, в общем-то, ничего сумасбродного в поведении Ксении нет. Она не совершала диких, бесцельных поступков, свойственных душевнобольным. Напротив, бывает, скажет вроде бы глупость, а на деле оказывается,